

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 143 (2861)

Вторник, 4 декабря 1951 г.

Цена 40 коп.

Завтра—День Сталинской Конституции

Да здравствует гениальный творец Конституции победившего социализма, вождь и учитель советского народа великий Сталин!

От самых первых дней...

Мне выпало на долю счастье участвовать в работах Третьей Всесоюзной конференции сторонников мира...

топить наши мечты о свободе. Назывательными, пытками, лагерями смерти и по-настоящему расстреляли они надежды...

за последние годы все для того, чтобы оживить гитлеризм в новой форме. В Нью-Йорке некий мистер Крентшоу...

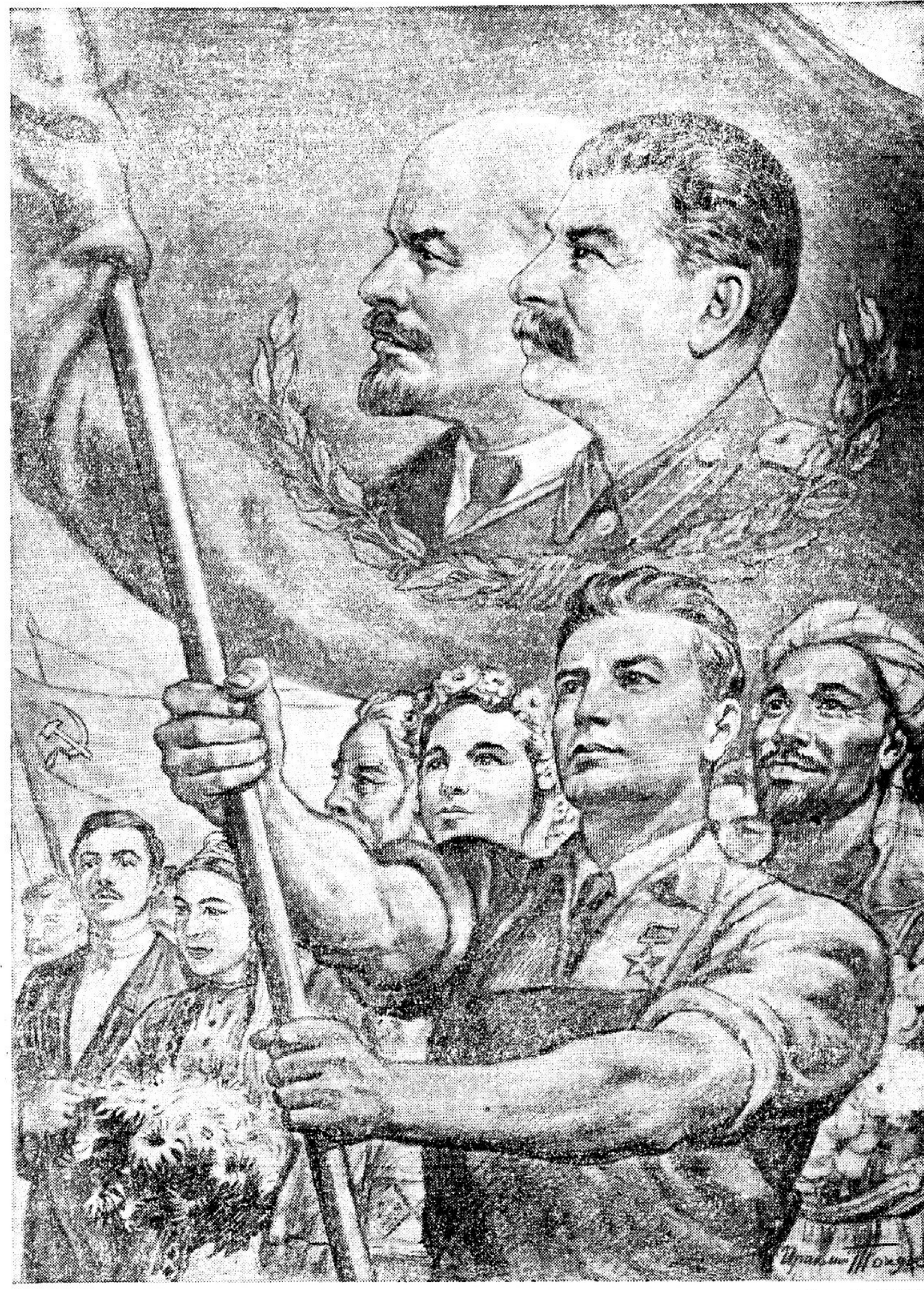

Рис. И. ТОИДЗЕ

В Румынии наша делегация, прибывшая на месячные советско-румынские дружбы, провела месяц. Мы ездили по стране...

объединенные дела: жизнь людей в новом коллективном хозяйстве. Стихи его воспевают жизнь.

думал: все это было и все это есть у нас, только в значительно больших размерах. Есть Волго-Дон, есть Сталинград...

Знакомые приметы

Слишком много родилось перемен, и рассказать о них в двух-трех словах невозможно. Для меня новое — моя жизнь...

БУХАРЕСТ

Семнадцать русских дворов

Л. ЮШЕНКО,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

«Свет над землей». В эту зиму мы тоже начинаем строить свою колхозную электростанцию, и интересно знать, как это было у других, почитайтесь. В общем те книги, которые показывают нашу жизнь такой, какая она есть, без выдумок. Проводить анкету было трудно. — Многие мы не застали в деревне: двое трактористов были в МТС, двое шоферов — в районе, двое агрономов — в отпуске, десятиклассники — в даровской школе, бригадир — в правлении колхоза, в соседней деревне, а сам председатель колхоза Виктор Матвеевич Горев — на сессии районного совета... Какому в прошлые времена, когда эта северная глухая деревня с наступлением зимы погружалась в сонную спячку.

Вторым заполнил анкету 64-летний Федор Васильевич Слободянинов. Районов колхозник. Мать, отец и четыре сестры были неграмотными, сам окончил три класса церковно-приходской школы. Детей семь человек, шестеро из них имеют семилетнее образование.

— Что читаете?
— Больше политической в газетах интересуюсь, — отвечает старик, пожевывая губами. — Бурей или что там на Ассамблеи. Книжки Глазунки слабовато — много читать. Да и больше толсты вычужены. Писатели все стараются побольше, побольше охватить: в одну книгу не втиснут, вторую пишут...

Несколько человек на вопрос об образовании ответили, что они неграмотны. Их средний возраст 65—70 лет. Впрочем, невозможно точно выяснить, кто из них действительно неграмотен.

— Неграмотный я... — отвечает такой старик, опираясь на палку. — Куда мне теперь. При царях как было: аз, буки, веда, знаешь, — ну и грамотей. А ныне куда мне до образованных!..

А час спустя он сидит на лавке и, прищипывая, читает «Кировскую правду», а потом, настроив детекторный приемник, прижимая узловатыми пальцами наушники, слушает передачу из Москвы...

Вечером домой приехал председатель колхоза В. Горев. Вот его анкета:
«37 лет. Образование — высшее. Отец и мать были малоработными. Неграмотных в семье нет. Дети учатся в начальной и средней школе. На выпуск газет и журналов и на покупку книг израсходовано в этом году около пятисот рублей. Личная библиотека — 120 книг. За последний год прочел книг пятьдесят, из них особенно запомнились «Светлая клетка» Н. Борисова, «Живая вода» А. Коженикова, «Ленский берег» В. Пановой, «Большая дорога» В. Ильенкова».

Наконец, после долгих бесед и опросов была заполнена анкета на все семнадцать дворов.

Анкета показала, что до революции здесь умели читать и писать только четыре человека, среди них не было ни одной женщины. Сейчас двое постоянных жителей Подухан имеют высшее образование; на каждый пятый двор приходится один, закончивший десятилетку, на каждые полтора двора — один с семилетним образованием.

Все без исключения дети школьного возраста — 12 человек — учатся, причем пятеро из них — в десятилетке. После войны трое уроженцев Подухан закончили институты и техникумы и еще четверо юношей и девушек сейчас учатся в техникумах и школах ФЗО.

На наш вопрос об образовании нередко можно было услышать встречный вопрос: — Общее или специальное?
Три человека — председатель колхоза В. Горев, агроном Т. Горева и ее помощник А. Черезов — закончили сельскохозяйственные институты и техникумы; Николай Андреевич и Евдоким Исакович Слободянины получили техническое образование на курсах трактористов; Сергей Иванович и Яков Федорович Слободянины закончили школу шоферов.

В эту зиму все колхозники начнут заниматься на трехлетних агро-зоотехнических курсах, и, конечно, в весне наша анкета сильно устареет: заполнить графу «специальное образование» сможет тогда почти каждый житель Подухан.

Что же больше всего читали в этих семнадцати русских дворах за последние полгода? В числе популярных здесь книг советских писателей: «Жатва» Г. Николаевой, «Большая дорога» В. Ильенкова, «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землей» С. Рабаевского, «Буря» И. Эренбурга, «Белая береза» М. Бубенина, «Буря» и «Сын рыбака» В. Ладиса, «Знаменосцы» О. Гончара и «Ленский берег» В. Пановой.

Но этот список, к сожалению, не может точно отразить интересы сельских читателей. Первый секретарь Даровского райкома партии Ольга Матвеевна Куликова — страстный пропагандист книги, глубоко верящий в ее мощную воспитательную силу, говорила нам:

— Если бы мы могли полностью удовлетворить запросы наших читателей, в вашем списке любимых книг стояли бы и многие другие названия. Книжек не хватает, и, пожалуй, больше нужно сейчас говорить не о том, что читают колхозники, а о том, чего они не смогли прочесть.

Еще недавно в районе было, например, только четыре экземпляра «Жатвы» Г. Николаевой. А тяга к книге огромна. Стоят очереди к книжному фонду в библиотеке района перебрал от корки до корки. Даровский райкомгорт при весьма скромном выборе художественной литературы за последний месяц выполнил план на 164 процента.

Этот район — не исключение в Кировской области, хотя книжный фонд ее 343 библиотек (не считая профсоюзных) превышает три миллиона томов.

Со страниц нашей анкеты сельский читатель — новый, образованный советский человек — требует:
— Больше книг — хороших и разных! И это требование одинаково относится и к писателям, и к издательствам, и к книгогортам.

вание; на каждый пятый двор приходится один, закончивший десятилетку, на каждые полтора двора — один с семилетним образованием.

Все без исключения дети школьного возраста — 12 человек — учатся, причем пятеро из них — в десятилетке.

После войны трое уроженцев Подухан закончили институты и техникумы и еще четверо юношей и девушек сейчас учатся в техникумах и школах ФЗО.

На наш вопрос об образовании нередко можно было услышать встречный вопрос: — Общее или специальное?

Три человека — председатель колхоза В. Горев, агроном Т. Горева и ее помощник А. Черезов — закончили сельскохозяйственные институты и техникумы; Николай Андреевич и Евдоким Исакович Слободянины получили техническое образование на курсах трактористов; Сергей Иванович и Яков Федорович Слободянины закончили школу шоферов.

В эту зиму все колхозники начнут заниматься на трехлетних агро-зоотехнических курсах, и, конечно, в весне наша анкета сильно устареет: заполнить графу «специальное образование» сможет тогда почти каждый житель Подухан.

Что же больше всего читали в этих семнадцати русских дворах за последние полгода? В числе популярных здесь книг советских писателей: «Жатва» Г. Николаевой, «Большая дорога» В. Ильенкова, «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землей» С. Рабаевского, «Буря» И. Эренбурга, «Белая береза» М. Бубенина, «Буря» и «Сын рыбака» В. Ладиса, «Знаменосцы» О. Гончара и «Ленский берег» В. Пановой.

Но этот список, к сожалению, не может точно отразить интересы сельских читателей. Первый секретарь Даровского райкома партии Ольга Матвеевна Куликова — страстный пропагандист книги, глубоко верящий в ее мощную воспитательную силу, говорила нам:

— Если бы мы могли полностью удовлетворить запросы наших читателей, в вашем списке любимых книг стояли бы и многие другие названия. Книжек не хватает, и, пожалуй, больше нужно сейчас говорить не о том, что читают колхозники, а о том, чего они не смогли прочесть.

Еще недавно в районе было, например, только четыре экземпляра «Жатвы» Г. Николаевой. А тяга к книге огромна. Стоят очереди к книжному фонду в библиотеке района перебрал от корки до корки. Даровский райкомгорт при весьма скромном выборе художественной литературы за последний месяц выполнил план на 164 процента.

Этот район — не исключение в Кировской области, хотя книжный фонд ее 343 библиотек (не считая профсоюзных) превышает три миллиона томов.

Со страниц нашей анкеты сельский читатель — новый, образованный советский человек — требует:

— Больше книг — хороших и разных! И это требование одинаково относится и к писателям, и к издательствам, и к книгогортам.

КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Судьба Леонида Лалетина

Три года назад на страницах «Правды» Галина Николаева рассказала о замечательном колхозе «Красный Октябрь». В очерке было несколько строк и о любовном отношении парня Леонида Лалетина — сына заместителя председателя колхоза Константина Григорьевича и Героя Социалистического Труда колхозного бригадира Екатерины Григорьевны Лалетинных.

Был этот колхозный юноша увлечен машинами, работал колхозным техником, сконструировал гвоздильный станок и страстно мечтал стать авиаконструктором.

Случилось так, что Леониду не удалось поступить в авиационный техникум. Тогда он поехал в Ленинград и стал токарем на знаменитом Кировском заводе.

Говоря откровенно, дело сначала у Леонида не особенно ладилось, и план при всем его старании он выполнял на 60—70 процентов. Но в это время по всей нашей Родине, от завода к заводу, шла слава П. Быкова и Г. Бергманна, замечательных мастеров резания металла, Л. Лалетин досконально ознакомился с опытом их работы, собрал, вычитывая, выискивая каждую строчку о скоростном резании. Он овладел техникой и сам стал скоростником.

Молодой токарь внес немало нового в практику скоростного резания металла, изобрел новую форму резцов, творчески применяя метод П. Быкова обработки деталей по образцам, Лалетин стал выполнять план по обработке некоторых деталей на три тысячи процентов!

Ныне опыт Лалетина становится достоянием всех. Недавно токаря слушали на бюро Ленинградского горкома партии, о его работе пишут заводская многотиражка «Кировец», областные газеты.

Леонид Лалетин помнит слова своей матери, недавно при-

Самый лучший письмо в заводскую многотиражку: «Прому передать моему сыну Леониду, чтобы он не останавливался на достигнутом, добивался новых успехов».

М. ДУДИН

ПОД ЯСНЫМ НЕБОМ

Ф. ЭЙНБАУМ

Этой осенью я впервые побывал на Кавказском побережье. Поезд, пронесший нас, пассажиров, по тысячекилометровому простору джунглей и полей, мимо бесчисленных поселков и городов, будто хранил еще в себе запах, краски севера: пою на подножках вагонов серебрился иней; проводники разносили горячий чай и пометали куче пожелтевшими березовыми ветками, парящими над головами. И вдруг поутру блеснула бирюзовая полоса моря, затесавшись под окнами вагона и кипарисы. Среди глянцевитой, яркой зелени на склонах гор зазеленели, как скальные чертоги, белые здания санаториев, домов отдыха, дач. «Как это хорошо!», — девственно поумило меня море. — Как хорошо, что в нашей огромной стране, где столько величественного, прекрасного, есть и такой уголок, ясное небо над головой!..»

В Гаграх природа гонимая к быстротечной змее. Вершины гор были тронуты первым снегом, но внизу, под немеркнущим солнцем, снова распускались розы... И было особенно приятно видеть здесь, у входа в эти чудесные южные санатории с белоканальными лестницами, широкими верандами, колоннадами, знакомые добрые надписи на табличках: «Санаторий имени Сталина», «Санаторий ВПСФС»...

Мы привыкли к благам Сталинской Конституции. Но именно здесь, на Кавказском побережье, где так много отдыхающих на пляжах и в парках, где столько тепла, красоты и заботы о людях, особенно ярко, всем сердцем ощущаем светлую силу нашего гуманизма.

Я вспоминаю легкое, воспитательное чувство, испытанное тружениками-эстонцами, когда они впервые получили доступ на родные курорты. Это было в Пириу, в маленьком городке, служившем при буржуазном режиме местом сбора для колючих бездельников из Европы и Америки. На флагштоке перед пятиэтажным зданием «Ранна-отель» трепетал алый флажок, грела, заглушая прибор, духовная музыка. Первые группы отдыхающих — шахтеры в праздничных пиджаках, их жены в пестрых платьях, токарки, сталевадки, штукатуры из Таллина и Тарту, взявшиеся под руки, гуляли по аллеям парка. Во временной приемной врача — раньше там помещался бар — увидел старого рабочего. Он, видимо, робел в непривычной обстановке и, покорило подчинился обычным процедуре врачебного осмотра, встал, кланяясь медсестре, на весы, измерил, смущенно улыбаясь, рост и силу мускулов. Нельзя забыть выражение его глаз, улыбающихся, светящихся, когда медсестра повела его под руку вперед — по широкой, уставленной коврами лестнице...

Когда-то в романе «Монт-Ориоль» Ги де Мопассан раскрыл крайние контрасты в курортном деле, характерные для капитализма. Здоровье и недуги, горе и радость, любовь и ревность стали в руках дельцов, паразитирующих врачей поводом для бесовского стяжательства.

Собирая для книги «В курортном городе» материалы о прошлом прибалтийских курортов, я столкнулся с подобными же картинами надругательства над идеями человеколюбия, картинами крайних, обостренных контрастов. В Пириу, Хаапсалу, Кемери было сколько угодно врачей, множество красивых санаторных зданий. А на окраине заболотенный бедняк не мог получить медицинской помощи. В этих городках были санатории-люкс, но отсутствовала канализация в рабочих кварталах.

А сколько трагических эпизодов разгруппировалось под окнами чистеньких в современном вкусе отстроенных курортных зданий! Люди, нуждавшиеся в срочном лечении, выставляли за дверь, если у них не было обеспечения на банковском счете. На местном рынке крестьянки, приехавшие продать в частную лавочку, продавали со слезами последнюю корову. Но воскресением за чертой курорта можно было видеть жалкую картину: приехавшие издалека больные, немощные старики окунали ноги в холодную торфяную жижу, ища защиты от ревматизма. В лицевых буржуазных журналах, вроде «Язаль пильдус» («Неделя в картинах»), это называлось так: «Эстонское народное приздечение».

Ныне в тех же Пириу, Хаапсалу, Кемери — отличные, общедоступные санатории, в которых лечатся, набирают силы, здоровье рабочие, служащие, колхозники. Эти курорты благоустроены и чистоплотны. Не только на территории здравниц, но и во всех окрестных районах теперь появились отличные клубы и полянки, множество хороших жилых домов. Недавно в эстонской печати prominently такая заметка: «В буржуаз-

ном Пириу врачебная помощь трудящимся ограничивалась единственным фельдшерским пунктом для бедных. Теперь в Пириу расходы на народное здравоохранение составляют 27 процентов значительного возросшего городского бюджета. В городских лечебных учреждениях работают 60 врачей».

Курорты Кавказского побережья путешествуют, совершенствуются советской властью тридцать четыре года. Когда почти полвека назад знаменитый социал-демократический врачине, видный мореплаватель, Целочки электрических звезд над пляжем, в горах. Огни над скреплением железных дорог, над пристаями, лампами в субтропических аллеях парков. И все же светятся здесь широкие окна санаториев, в которых отдыхают ежегодно сотни тысяч трудящихся Советского Союза. Вспомни, что этот благоустроенный, замечательный курорт — только небольшая часть в богатейшей системе здравниц, разбросанных по всей стране.

...Утром, набросив вафельное полотенце на плечо, вы идете в Сочи к купальным мосткам вдоль красивой набережной. На обочинах дороги, в тенистых садах предгорья, на грузовиках, летящих с огромным шумом по асфальту, — строгий кипич, бошки с извещью, чулочные трубы. Здесь идет, не прекращаясь ни на час и все расширяясь, строительство санаториев, домов отдыха.

Поскольку на побережье — в Сухуми, в Ахаи-Афони, в Гаграх — врачи с увлечением рассказывают о совершенных лечебных приборах и аппаратах, о лабораторном оборудовании, полученных из Москвы и Ленинграда. Совершенствуются методы лечения, являются новшества, налаживается беспрерывный, единственный в мире опыт образованного обслуживания больших континентов отдыхающих.

Сотня тысяч кубометров земли «подняты» для устройства парков, садов, аллей. В горах пробиты новые дороги, в долине моря расчищены пляжи. В Сухуми, Сочи, Мацесте, Гаграх высажены за последние годы тысячи платанов, дубов, финиковых и кокосовых пальм, пробковые дубы, серебристых елей, сосен... На все это государство ассигнует миллионы.

Я побывал в гостях у отдыхающих санатория «Рица» в Гаграх. Это обычный у нас благоустроенный санаторий, мало чем отличающийся от других на побережье. Тенистая аллея остроколючих кипарисов ведет к затененной густой зелению пальм и магнолий пятиэтажному зданию. Только что подхлал голубой автобус, доставивший партию новых гостей. В просторном вестибюле — оживление. Смет, шутки, обмен новостями, рукопожатия случайно встретившихся знакомых...

На площадке лестницы появляется с пачкой полотенца сестра-хозяйка, темпоглазая женщина в ослепительно белом халате: «Добро пожаловать». Новоприбывших разводят по кабинетам. В наступившей тишине отчетливо слышно, как одна из медсестер, говоря с легким гортанным акцентом, отчитывает кого-то из «старых» отдыхающих.

Почему не посетите лечебную физикультуру, товарищ? В завтрак оладьями, процедуры прогуливаются! Нет, уж вы, пожалуйста, не ленитесь, отложите как следует в образцовом санатории!

Тиньши, Легкий бриз с моря, колеблющийся безмятежно. На столе, где пламенеет в фарфоровой вазе розы и кавказские бесмертники, лежит раскрытая «Книга жалоб и отзывов».

«Спасибо вам, товарищи, что помогли восстановить здоровье. Мастер Казанского завода Н. Харченко»...

«Хочу отметить душевное отношение ко мне со стороны персонала... Инвалид, жительница Тбилиси О. Кербасова».

Просматривая статью, заметки в американских газетах, касающиеся их курортов, и, как всегда, когда сопоставишь с американским образом жизни, испытываешь негодование и боль за поруганное человеческое достоинство.

В «Нью-Йорк Дженерал-Американ» в августе prominently рекламное сообщение о строящейся в колонии США — Пуэрто-Рико — сети новых роскошных гостиниц для туристов. «Это дружественный остров контрастов на перекрестке Северной и Южной Америки...» — описывает газета. «Здесь вы встретите первоклассные развлекательные заведения, которые будут функционировать круглый год... В центре острова Баранкиас в будущем году закладывается строительство «Отель-

клуба» на территории в 600 акров, стоимостью в 5 миллионов долларов... 42 многокомнатных номера, площадки для гольфа, бассейны, искусственное озеро для рыбной ловли, дороги для верховой езды, игорное казино...»

Нам ясно, что будет складываться в близи рейтузах по дорожкам «Отель-клуба», лепить фореил в искусственном озере, дышать кондиционированным воздухом роскошной гостиницы с видом на шпиль колоннальный Пуэрто-Рико.

Но не может не поразить окаянная наглость янки в расплывании собственных уродств, тяжелых социальных бедствий, порожденных капиталистическими отношениями. Если, например, в жалких, антинаучно поставленных курортах штата Невада процветают азартные игры, существует легальная проституция, безработица, в той же «Нью-Йорк Дженерал-Американ» появляется всякая безобразная, сверхакая о'кей удыбка: «Итак, мы расскажем о прекрасном Элко!» В стиле рекламы повестует газета 7 августа 1951 года о позорных притонах, домах терзаний: «В этом городе жизнь кипит круглые сутки: крутятся колеса долларом, на столах для азартных игр кучи долларов!.. «Девушки для игры» сосредоточены в нескольких шикарных заведениях...»

В газете «Майами геральд», выходящей на одном из самых «фешенебельных» курортов США — на побережье Майами во Флориде, как последняя сенсация из области обслуживания туристов, преподносится история одного коммерческого предприятия на курорте. Некий делец организует здесь агентство, доставляющее не более и не менее, как... мужей для вдов и дочерей американских миллионеров. «Предприятие занимается вербовкой подходящих молодых людей для продажи богатым женщинам... бесстрастно извещает газета о фактах мужской проституции. — Одним мужчинам делается по телефону «единственный в своем роде» предложение — жениться из-за денег...»

Подлость, растление нравов, отвратительные контрасты между роскошью немногих и обнищанием большинства, врачебное шарлатанство, дискредитация медицины — неизбежное порождение буржуазного «курортостроительства».

Чтобы понять отчетливо, что такое курорты времен американского империализма, надо знать историю хотя бы того же Майами, «построенного буквально на костях человеческих. Строительство помпезных зданий сопровождалось стихийными бедствиями, пожарами, от которых выгорали рабочие кварталы. Ураганы сносили крыши домов, сколоченные из ящиков бараки, хижин, где ютились индейцы, болевшие туберкулезом и трахомой. В Майами-бич, городке, расположенном на песчаной косе побережья, мощные гидравлические насосы перекачивали грунт со лва бухты, образуя новые острова, предназначенные для вилл миллионеров. Эпидемии желтой лихорадки, повальные болезни косили семьи рабочих-строителей в этих заболоченных местах. Кризисы, потрясавшие страны, разоряли окрестных фермеров. Толпы безработных ходили по горю. Бездомные умирали под заборами застраиваемых участков...»

И вот высветятся роскошные особняки, сверкающие стеклом, бронзой оград, великолепные отели, окруженные пальмами, экзотическими растениями. Этот курорт — американский «Монт-Ориоль» — памятник попорня всех человеческих прав, скотского egoизма, крокодилий жестокости богатей.

В Сухуми — белом городе, радующем глаз гармоничным сочетанием красивых, легких, стройных ансамблей, есть горь, о которой уже слагают стихи.

На высоте 200 метров над уровнем моря еще недавно было пустынное, дикое место, привлекавшее только перелетных птиц. Теперь здесь — шумительная красота парка.

...Когда я уезжал из Сухуми, зима уже чувствовалась в воздухе, в пейзаже. Откалывали багрянец дубы, платаны. Началась массовый пролет птиц. По в парке на горе все выладеало по-летнему — затопила молодая, танцующая под открытым небом, играющие дети, пожилые мужчины и женщины на скамьях, провожающие глазами пролетающих птиц...

Так хотелось, глядя на этот парк, сощипать слово самой красивой порой людских отношений, сказать вдобавку им, пернатым, улетающим на чужбину: «Вы летите, птицы, в те страны, где нет еще счастья, тепла нашей жизни. Так передайте же всем обездоленным наш привет и надежду!»...

СУХУМИ — ТАЛЛИН

В одной семье

Сем. ГАРИН

В клуб внесли новую мебель. Триста шестьдесят кресел с удобными вогнутыми спинками и откидными сиденьями спали заком.

— Зеркала заблани! — спохватился парторг Хайтахун Таширов. — Для раздевалки и комнаты отдыха. Заказать?

— И бархат для ков, — согласился Хайтахун Таширов, председатель колхоза. Таширов отошел в глубь двора, обнесенного нарядной тугопной решеткой. Украшенный влудуми и декоративными деланками разносорного хлопка, клубный двор напоминал уголоч ботанического сада. Массивные колонны, стрельчатые окна и ниши, резной узбекский орнамент — белый и цветной — украшали здание клуба. Разные дубовые двери главного входа были широко открыты.

— Хороша отделка! — сказал Дабиза. — Нужно же только, чтобы сразу видно было: колхоз-то у нас многонациональный. Вот о чем речь!

— Ну, это можно! — улыбнулся Таширов. — Уберем клуб туркменскими коврами, дунганской вышивкой, узбекскими узорами, киргизскими шаласами...

И, обратившись к нам, добавил: — В «Кызыл-Шарк» четырнадцать национальностей. Что ни бригада, знаю, то маленькая семья народов.

На пути во вторую бригаду, пока мы обходили по широким и прямым улочкам, обсаженным по краям арыков серебристыми тополями-исполинками и крапиволистыми ивками, Таширов рассказывал о колхозе.

Селение Савай возникло четверть века назад в этом необжитом тогда восточном уголке Ферганской долины. В маленьких жилищных землянках жили переселенцы. Среди них был и Хайтахун Таширов — павильный посыл из города Ом. Как и большинство бедняков-дунган, Таширов мог только мечтать о земле. Советская власть дала переселенцам землю, машины, семена, деньги на освоение хозяйства. Десятки дунганских и узбекских семей объединились в товарищество по совместной обработке земель, выросшее в крупный колхоз, который уже больше двадцати лет возглавляет Хайтахун Таширов, Герой Социалистического Труда, кавалер четырех орденов Ленина, депутат Верховного Совета Киргизии. Вступали в колхоз и другие крестьяне-переселенцы: уйгуры, киргизы, таджики, русские...

Колхоз расширялся и богател. Пройдя осенью во время сдачи хлопка каждый день приносил пятьсот тысяч рублей прибыли. Шестнадцать дней курсировали

между полями колхоза и хлопководческими заводами грузовики и арбы, и за это время на текущий счет было зачислено восемь миллионов рублей!

— А в этом году, — сказал Таширов, — урожай в полтора раза выше прошлого года. Не видели мы такого урожая... — Каждый год ты говоришь так, — вставил Дабиза.

...Полевой стан второй бригады похож на дачу. Большой фруктовый сад, в центре которого стоит большой дом с красной круговой верандой-галлереией. В доме — читальня, кабинет бригадира, полевая лаборатория, стои учетка. Веранда устлана коврами, заставлена маленькими столиками. Здесь хлопководы обедают, отдыхают, а в горячую пору поют. Только в этой бригаде из шестидесяти человек — сорок награждены орденами. А в колхозе — девять героев, двести орденоносцев.

Расположившись на веранде, колхозники слушали выступление приехавшего из Фрунзе дунганского поэта Иссыра Шиваза. Он читал из свою новую поему.

Во второй половине прошлого столетия над феодальным Китаем прогремело народное дунганское восстание. Многолетняя борьба дунган была зверски подавлена при вооруженной поддержке англо-американских империалистов. Спасаясь от палачей, тысячи дунган устремились в Россию. Люди преодолевали льды Тянь-Шаня, пробрались по ущельям и, наконец, вышли в тогдашнюю Семиреческую губернию, где радушно были встречены русскими и киргизским населением. Первым оказал медицинскую помощь измученным людям военный фельдшер Василий Михайлович Фрунзе, отец замечательного пролетарского полководца. Дунгане расселились неподалеку от городов Чуйской и Ферганской долины, в Иссык-Кульской котловине и в Казахстане.

В советское время они объединились в колхозы, среди которых есть такие ныне прославленные хозяйства-миллионеры, как «Кызыл-Шарк», «Дейшан», «Октябрь», колхоз имени Фрунзе и другие.

Плотно течет поэтическое повествование о солдате-поэте Ферганской долины — «Кызыл-Шарк», о многонациональной колхозной семье, живущей дружно и богато. Потом поэт рассказывает о Миллан-фране — рисовой долине, неподалеку от Фрунзе, где мне пришлось быть совсем недавно.

...Шли последние дни уборки и обмола-та риса — сто тысяч пудов зерна собрал

колхоз! По дорогам мчались машины с рисом, в колхозном поселке пели электрические пилы и стучали топоры — колхозники строят новые фанзы. Пятьдесят шесть домов возвели за один год!

Мы зашли в одну из фанз, к колхозному миру Юсезе Сутанало. Глава семьи — типичный дунганец, будто сошедший со старинной гравюры: резкая борода, длинный нос, тонкие свисающие усы, узкие прорезы глаз. В прошлом Ясаяз был батраком, занимался извозом. Двадцать два года назад он познакомился с комсомольцем Васей Заминным — активистом, весельчаком. Комсомолец помог дунганам организовать колхоз. В Милланфране был основан поселок, который ныне, как и колхоз, разросся, стал одним из лучших в Чуйской долине. А Василий Алексеевич Хамитов и по сей день возглавляет колхоз имени Фрунзе.

Познакомился я здесь и с семьей Иссыра Сутанало. Один из его сыновей — Мухамед — учится в аспирантуре в Москве: готовит диссертацию о дунганском восстании и о прославленном вожде этой освободительной борьбы — Вяжику. Другой — Исаяз — возглавляет лучшую в колхозе полеводческую бригаду, Исаяз велел научную работу в колхозной агролаборатории, вырабатывая на опытных полях новые сорта риса, Прана — колхозный механик. Младшие дети учатся в школе, жена старшего сына Ян-Яныз скоро будет врачом.

Напомнил мне поэма и другой знакомый колхоз — «Дейшан». Далеко он отсюда, на берегу голубого Иссык-Куля. Там другая природа, иные поля... А сколько общего в судьбах людей! У каждого здешнего колхоза свой производственный профиль: зерновые, рис, хлопок, сахарная свекла, лечебные маки. Эту древнюю культуру разводит в «Дейшане». И как развил! Во много раз уже превзойли самые высокие в мире урожаи. Это тот самый оинкий мак, который многие поколения дунган прокаливали в своих песнях. И поныне в народе бытует «Опийная песня», начинающаяся словами: «Англия — она Китаю предает тем, что опий в Китай привозит...»

— Старая песня! — говорит председатель «Дейшан» Ма Хусин, человек с высшим образованием, автор книги стихов «Цветы труда». У нас сейчас один илет на производство почти трех тысяч лекарств.

...Поблагодарив поэта, хлопководы разошлись по своим участкам. Обеденный перерыв закончился. Молодежь уходила с песнями — узбекскими, дунганскими, киргизскими.

«КЫЗЫЛ-ШАРК», Киргизская ССР

Выступление «Правды» и прошлым на местах совещания по вопросам художественного перевода привлекли к работе переводчиков внимание широких кругов советской общественности.

И. БРАГИНСКИЙ
В. И. Ленин решительно выступает против каких бы то ни было «вольностей» перевода там, где это чревато искажением мысли К. Маркса и Ф. Энгельса.

Вот особенно ясным, каковы характерные приметы того, что В. П. Ленин называет «революционным языком», языком революционных идей.

У декабря в Союзе советских писателей СССР под председательством Н. Тихонова началось совещание по вопросам художественного перевода с языков народов СССР.

Перед нами — «Белая береза» Михаила Бубеннова в переводе на узбекский язык А. Рахима. Как же до сих пор переводчик к узбекскому читателю сплел и красоту идеи этого произведения, характерность и своеобразные образы, стилистические особенности, красочность авторского языка?

Характеристика! Андрей Бубеннов — это слово «стихи». Предельно ясная авторская характеристика: «Андрей был человеком прямого, ясного ума, простым и твердым ремесленником в своем деле, не отступающим от своих слов».

ЗАМЕТКИ ПЕРЕВОДЧИКА

Разработанной теории художественного перевода как научной дисциплины еще не существует. Преподаватели языковых вузов и филологических факультетов вынуждены ограничиваться своим сведениями из грамматики и нормативной стилистики да ампирическими соображениями.

Александр МЕЖИРОВ
Превосходство перевода того же стихотворения, сделанного Лермонтовым, объясняется тем, что Лермонтов в своем стихотворении «Горные вершины» равноценно, но отнюдь не буквально воспроизводит «Ночную песню странника», творчески перелав все произведение в целом, как неразрывное единство идеи, образа и необходимой для их выражения формы.

Читая, странно, движется какой-то заплетавшийся походя. Я не видел тебя — я втрое, втрое горше потом это выстрадал. Невозможность узнать героя. Мне твоя громкий, предсмертный выстрел дал.

Павел ШАДУР
Петух-переводчик
На птичье разнесся слух — со всех пастосов запумели куры, что стал Петух Работником литературы.

Был бы неправильным и нереальным требовать от поэтов, чтобы их поэтическая индивидуальность была неотчуждаема в тексте перевода. Но нередко своеобразное поэто-переводчика отрицательно влияет на качество перевода.

М. Бубеннов в итоге строгого и бережного отбора нашел точные, меткие слова, правильно отражающие оттенки его мысли. Рахима же в своем «варианте» романа свел на-нет эту большую работу художника. От стиха «Белой березы» остались «рожки да ножки».

Что произошло в Сирии

Г. ОСИПОВ

В среду, 28 ноября, жители сирийской столицы Дамаска узнали, что в республике произошел новый, четвертый за последние три года военный переворот. Еще накануне стало известно, что длившийся целый месяц правительственный кризис, наконец, закончился — было сформировано правительство во главе с Мааруфом эл-Даваилиб. Теперь только что созданное правительство оказалось за решеткой в крепости Мецца. Власть в стране захватил полковник Шишекли — начальник штаба сирийской армии.

Новый диктатор вначале заявил, что он будет действовать «конституционным путем» и... проинформировать президента республики Хашиму Атаси ультиматум с требованием «добровольно» отставки арестованного премьер-министра и роспуска парламента. Поскольку такое требование предъявлялось к лицам, фактически находящимся за решеткой, Шишекли решил, что, собственно, не стоит и ждать ответа. Разве не может он, браво полковник, быть и президентом, и премьером, и руководителем армии, и заместителем парламента вместе со всеми депутатами!

И вот 2 декабря за подписью председателя Высшего военного совета Сирии полковника Шишекли появился декрет о том, что все президентские полномочия, а также вся законодательная и исполнительная власть в стране возлагаются отныне на... полковника — председателя Высшего военного совета Шишекли. Первым постановлением «законодательной» власти явилось постановление о роспуске парламента.

Сирийцы, уже привыкшие к столь стремительной смене «власти предрешенных», ограничиваются в подобных случаях только одним вопросом: чей переворот — английский или американский? Всем ведь известно, что полковник Шишекли и ему подобные военные авантюристы — лишь пешки в ближневосточном матче империалистов Англии и США.

Сирийцы хорошо помнят, как в марте 1949 года совершил переворот полковник Хусни аз-Зам. Вначале он был явным английским полковником — из-за его спины тянулись цепкие руки посланника Великобритании в Дамаске. Хусни аз-Зам был поставлен в власть, чтобы помешать американской нефтяной монополии «АРАМКО» приобрести в руках Сирию и вытеснить отсюда младшего английского партнера в лице британской нефтяной монополии «Ирак петролеум компани».

Вскоре, однако, полковник Хусни аз-

Зам решил, что ему куда выгоднее ориентироваться на американский доллар, чем на обесцененный английский фунт стерлингов. Эта «блестящая» идея пришла в голову предприимчивому полковнику без помощи «неофициального» уполномоченного Вашингтона и официального агента Rockefeller — Макса Торнберга, который всегда появляется там, где пахнет нефтью и кровью.

Молниеносно став, таким образом, американским полковником, Хусни аз-Зам подписал с Соединенными Штатами соглашение о прокладке через сирийскую территорию американского нефтепровода. Но пока Макс Торнберг отправился обещивать «нефтяные дела» в Иран, его свежеспеченный «крестник» Хусни аз-Зам оказался... расстрелянным. Дело в том, что лондонские джентльмены из Интеллиженс сервис не могли стерпеть такого подвоха со стороны любезных союзников. На спину был выпущен некий полковник Хенауи, который и совершил новый, второй по счету, военный путч в Дамаске и вывел из игры переменувшегося в американцам полковника Хусни аз-Зам...

Единственное, чем отмечено недолгое пребывание в власти английского полковника Хенауи, — это то, что он успел присвоить себе чин генерала. Что же касается назначенного лондонскими хозяевами «объединения» под скипетром английского империализма Сирии, Ливана, Ирака, Трансиордания и других арабских стран, то осуществить эти давно вынашиваемые планы Хенауи не успел.

— Нет, не возьмешь! — подумал в Вашингтоне мистер Джордж Магги, помощник Ачесона по делам Ближнего Востока и Африки. — Союзники — союзниками, а Ближний Восток будет наш! — Он отправился в турне по странам Ближнего и Среднего Востока. Следом за ним на всякий случай отбыл и американский генерал-разведчик Уильям Доновен.

Такой оборот событий, конечно, не устраивал ни американских, ни английских колонизаторов, соперничающих в грабеже ближневосточных стран, но действующих заодно, когда речь идет об улучшении свободы арабских народов и разжигании новой войны.

Потому-то и появился вновь на сцене «американский полковник» Алиб Шишекли...

Власть в стране на этот раз захватил уже известный нам по последним событиям полковник Алиб Шишекли, который по империалистическому закону чередования был, повидимому, «американским полковником»... Комментируя события в Сирии, канадская газета «Аль-Катеп» заявляет: «Переворот служит целям и интересам империалистических держав, осуществления которых они добивались в Сирии и в других арабских странах».

Взяв под свой контроль сирийскую армию, полковник Шишекли представил политикам малоугодное кресло премьер-министра Сирии... После этого на протяжении года в Сирии сменилось несколько кабинетов. В начале ноября подал в отставку очередной премьер-министр Хасан Хаким, неоднократно выступавший за присоединение Сирии к «западному блоку».

Дело в том, что развернувшиеся в Иране и Египте события помешали империалистам и их агентам превратить Сирию в разменную монету нефтяных трестов США и Англии. Под натиском сирийских народных масс, поднявшихся по примеру иранцев и египтян на борьбу за независимость, американо-английская агентура вынуждена была временно отойти в тень. «Испытанные» в англо-американской игре фигуры не подходили, ибо сирийский народ решительно выступил против вхождения страны в так называемое «средне-восточное командование» — в филиал агрессивного Атлантического блока.

По всей стране прокатились митинги, демонстрации, забастовки. Трудящиеся Сирии требовали изгнания империалистических агентов из страны, прекращения военных переговоров с поджигателями войны, аннулирования кабальных соглашений с нефтяными монополиями... В этой обстановке формирование нового правительства было, в конце концов, поручено бывшему министру экономики Сирии Мааруфу эл-Даваилиб, известному своими антиимпериалистическими выступлениями, направленными против угнетения арабских стран монополиями США и Англии.

Такой оборот событий, конечно, не устраивал ни американских, ни английских колонизаторов, соперничающих в грабеже ближневосточных стран, но действующих заодно, когда речь идет об улучшении свободы арабских народов и разжигании новой войны.

Потому-то и появился вновь на сцене «американский полковник» Алиб Шишекли...

Книга под судом

Фрэнк ХАРДИ

В понедельник, 18 июня 1951 года, мрачный зал заседаний уголовного суда в австралийском городе Мельбурне был переполнен, в сотню людей толпились в коридорах и на улицах. За столом прессы царил атмосфера напряженного ожидания: сейчас миллионеры вынесут приговор своему врагу... Это был последний день так называемого процесса о романе «Бесславная власть», написанного мною. Процесс тянулся восемь месяцев, вызывая недовольство и протест широких народных масс.

Адвокат подсудимого в течение трех часов держал речь перед присяжными заседателями. Он говорил, что суд «от имени правды и общественной пользы» отбрасывает обвинение по обвинению в нарушении общественного порядка в действиях подсудимого, хотя по закону это доказательство всегда требовалось для привлечения к ответственности за злостную клевету в печати. Адвокат обратил внимание на то, что свидетели, один за другим, утверждали, будто протопоп Беста — центрального персонажа книги — является реальное лицо, миллионер Рен.

«Почему же в таком случае», — спросил адвокат, — Рена нет в зале суда? Поискав права человека, ах вот судья проигнорировал автора романа в тюремном заключении на длительный срок!»

Когда адвокат умолк, в зале поднялся тревожный гул. Затем прозвучало заключительное слово судьи. Еще до того, как он окончил свою речь, я пришел в мысли, что до наступления вечера вновь окажется в тюрьме; запустевшие судьи присяжных, казалось, неизбежно предвещали этот исход дела.

Присяжные удалились на совещание за десять минут до перемены на завтрак. В два часа меня доставили обратно на скамью подсудимых. Присяжные сошлись во время завтрака. Хорошее это или дурное предзнаменование?..

— К какому решению вы пришли? Виновен или не виновен подсудимый? Мертвая тишина воцарилась в зале. Старшина присяжных стоял прямо и твердо, расправив плечи:

— Не виновен.

На галерее для публики раздались громкие аплодисменты, одобряющие волеизъявление судьи. Лицо судьи, призвавшего в тишине, поблуждало.

Со времени ареста, то есть с 25 октября 1950 года, меня таскали по многим судам, переводили из одной тюрьмы в другую. Но то, что происходило за стенами темниц, представляло гораздо больший интерес, нежели мои личные мигративы. Это был неслыханный в Австралии пример объединения рабочих и интеллигенции вокруг писателя и его книги.

Я начал собирать материалы для романа «Бесславная власть» в феврале 1946 года: книга вышла в апреле 1950 года. С 1944 года я — член коммунистической

партии, журналист, писал рассказы, а до этого был рабочим и солдатом.

Целью моей книги были развенчание мифа о «демократическом западном государстве» и разоблачение предательской роли социал-демократии в австралийском рабочем движении. Но не только замысел определил ее судьбу. Роман был издан незаконно, в исключительных трудных условиях; пришлось обратиться непосредственно к рабочим, и в течение двух месяцев «Бесславная власть» оказалась больше читателями, чем у любой из книг, когда-либо выходивших в Австралии.

Сразу возникла потребность во втором издании, но наша печатная машина была обнаружена полицией и выведена из строя. Попытка договориться с типографией в Мельбурне окончилась неудачей: некоторые из них согласились было взять на себя часть работы, однако отступили, испугавшись угроз полиции и гангстеров. И все же второе издание книги вышло, хотя и весьма таинственным образом. Книга была отпечатана и частично сфальсифицирована в типографии лейбористской партии — как не трудно догадаться, без ведома ее руководства, постановившего счесть все издание целиком. Но сечь книгу не удалось: однажды ранним утром к типографии подъехали грузовики, и рабочие увезли отпечатанные листы в неизвестном направлении.

Вот тогда все и началось. Не прошло и двух суток, как меня арестовали, обвинив по старому английскому закону XVII века в злостной клевете в печати.

Как же сбросить с себя это второе издание книги? По помощи пришел рабочий член профсоюза. Прямо по носом у полиции триста рабочих, тайком, по ночам, переправили у себя дома, в предместьях Мельбурна, 16.000 томов по 670 страниц каждый! Работа была для них невыносимая, и все-таки они утруждали, без помощи машин, сныши и переплели книги. «Бесславную власть» начали распространять на заводах и кораблях, где были созданы передвижные библиотечки. Роман продавали даже ныне владельцы книжных лавок, извлекал из него прибыль, пусть в ущерб своей собственной капиталистической системе!

Меня в конце концов выпустили на поруки, и мне удалось следить за выпуском книги и выступать даже на публичных митингах. Был образован «комитет защиты Харди», возглавляемый Аламом Маршаллом, известным прогрессивным писателем. Комитет представлял двадцать семь общественных организаций. Среди его членов было несколько известных писателей; делегаты от разных членов профсоюзов забиралась на многих преданиях.

Комитет выпустил десятки тысяч листовок и провел около четырехсот митингов, главным образом у заводских ворот. Под петицией, требовавшей моего освобождения и отмены старого закона, в нарушении которого меня обвиняли, стояло

десять тысяч подписей. Письмо, содержащее те же требования, попало к вышестоящим властям и представителям интеллигенции.

Выражения солидарности начали прибывать в комитет со всех концов мира, включая Советский Союз. Крупнейший австралийский адвокат взял на себя ведение дела, а деньги на покрытие судебных издержек (около трех тысяч фунтов стерлингов) собрал на митингах — это были, главным образом, шестипенсовики и шиллинги от рабочих, которые осознали все значение процесса и «держались стойко», как любят говорить у нас в Австралии. Отклик народа, особенно рабочих и интеллигенции, поражал своим единодушием. Ставленники реакции преследовали меня и даже организовали покушение на мою жизнь; тогда рабочие укрывали у себя мою жену и детей, а меня охраняли днем и ночью.

На митингах вопрос ставился так: «То, что сейчас происходит в Австралии, в точности скопировано с американского образца. Когда в США фашистская дубинка обрушилась на лидеров рабочего класса, были арестованы и писатели, в том числе Говард Фаст и десять прогрессивных деятелей Голливуда. В Америке предлогом для расправы служат «нарушение в восточных странах» или «преступных деяниях». В целях поддержания свободы слова и свободы собраний премьер-министр Мензес и реакционный австралийский парламент добавили к этим старым законам свои, новые. То, что происходит в Австралии и Америке, полностью соответствует тому, что было в Германии непосредственно перед приходом к власти Гитлера. В Германии фашизм вел к войне. В Америке и Австралии реакция также стремится к войне, и только объединенные усилия народа могут ее предотвратить».

Кампания в защиту писателя была так тесно связана с борьбой за мир, что на митингах рабочие подписывали одновременно Обращение Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами.

Все это происходило в то время, когда Бернс, издатель-коммунист, и Роч, лидер портовых рабочих, были в тюрьме; когда правительство Мензеса, по приказанию американских империалистов и с помощью правого крыла социал-демократии, пыталось — в виде пролога к возмечению Австралии в лагерь поджигателей войны — подавить рабочее движение. Наступление реакция на коммунистическую партию в профсоюзы было в самом разгаре.

Буржуазная пресса Австралии сперва встретилась «Бесславную власть» сговором молчания, но затем один журнал выпустил ее статью, озаглавленную «Книга, поколебавшая устои Австралии». Вскоре и реакционные политические деятели — многие из них были полны злобы и страха — неистово напали на роман.

Газеты составляли друг с другом в изобретательности; они на все лады обыгрывали «коммунистическую опасность», стремились опорочить и книгу и автора. После того как суд вынес оправдательный приговор, меня и мою жену Росселин окружили сотни ликующих людей. Объединение австралийских писателей-реалистов предложило мне быть его делегатом на берлинском фестивале мира. Я согласился, и тогда возник вопрос: где взять средства на поездку? У нас не было ничего. На шести митингах было собрано достаточно денег, чтобы добраться до Берлина. Мы выехали, что горю за иностранные издания «Бесславной власти» позволят оплатить обратный проезд.

На большом прощальном митинге в Ювент холл (Мельбурн), состоявшемся накануне нашего отъезда, выступали писатели и представители профсоюзов. Здесь с большой силой проявилась напе единство. Я сказал собравшимся, что не знаю, что мне предстоит увидеть в Берлине, в Восточной Европе и в Советском Союзе, но они могут быть уверены — я напишу книгу, в которой будет только правда. Тем временем полиция снова выдвинула на меня несколько членов комитета, меня в Россию депортировали по повелению судьи, выпущенной перед последним судебным заседанием. Полиция не смогла получить от нас никаких сведений и тогда предъявила обвинения в «сговорении с врагом» владельцу типографии. Его приговорили к трехмесячному тюремному заключению, и судья заявил, что если бы перед ним предстал истинный виновник, он вынес бы значительно более строгий приговор.

Когда я подал заявление о паспорте, правительство, видимо, решало: «Пусть идет, а то с ним хлопот не оберешься». Среди тысяч поздравительных писем и телеграмм, полученных мною, было несколько анонимных, содержащих угрозы. Одно из таких писем гласило: «Мы тебя поймаем, хоть ты и убегаешь; мир ведомо-матерью велик, чтобы тебе удалось скрыться от нас».

Пусть враги наши не тревожатся. Я буду жить в Австралии, чтобы продолжать борьбу за мир и социализм. И, конечно же, их угрозы не запугают нас. Мы смело смотрим вперед, потому что крепко связаны с рабочим классом. Мне хочется через «Литературную газету» сказать советским людям: В Австралии идет борьба за независимость, свободу и мир. Наш народ борется в трудных условиях. Американские империалисты ведут себя, как хозяева, в нашей стране. Но народ Австралии не отступит до тех пор, пока не добьется победы. Что касается меня, то, по всей вероятности, я потерплю теперь еще более жестокие преследования. Однако я смею иду на это, потому что знаю: рабочее мое страны, миролюбивый народ Австралии — на моей стороне. Я найду радость в борьбе, сознавая, что выношу свой скромный вклад в священное дело защиты мира.

Мария БАНУШ,
румынская поэтесса

СВЯЩЕННЫЕ МОГИЛЫ

Студеные фюреры, где в метели. И в летнюю грозу, и в листопад Сквозные ветви нисзорослых елей Оберегали крепкий сон солдат. Венки живые высплели горою, Руками хуторянок сплетены. — Спокойно спите, русские герои! — Шептали скалы северной страны. Советские бойцы, чей путь был долгим, Почли здесь, от родины вдаль. Посланцы Дона, Енисея, Волги Чужой земле спасенье принесли. Норвегия, италия — твою свободу, Что братья кровью оплели тут, Теперь заморским торговцам в угоду Дельцы на бирже нагло продают. Ростовщиков, что крови жаждут снова, Страшит молчанье грозное могил. Но в хижине, у очага простого Рыбак законов братства не забыл. Лакеи тнасят осекрнить святыню, Развеять прах кощунственной рукой. Чтоб слава павших вытравилась ныне Из недр земных, из памяти людской. Но лапы, что к могилам протянулись, Не прах разворошили — гнев людей. У тех могил в бессонном карауле Народы мира, цвет планеты всей.

Что ж, янки, вам легко гробы тревожить Руками тех, кто продал свой народ. Но верные сердца не уничтожить, В них чувство негасимое живет. Кузнечий металлург, румынский сахар, Рыбак норвежский рядом, на посту. И козни ваши завершатся крахом — Вам не осилить мира правоту. Перевел с румынского Яков ХЕЛЕМСКИЙ

„ГОСТИ“ США

Некий южно-африканский студент, являясь по происхождению, не так давно отпавшись из Соединенных Штатов. Едва ступив на американскую землю, он получил первый предметный урок законамской «демократии».

По разрозненным иммиграционным властям, студент без всякого объяснения причины был схвачен и, несмотря на то, что все его документы находились в полном порядке, немедленно заключен в иммиграционную тюрьму на острове Эллис, находящемся — как она ирония! — по соседству с островом Бедлес, на котором возмущается «Статуя Свободы».

После допроса студенту сообщили, что он предстанет перед следственной комиссией... Свои злоключения в стране «долларовой свободы» студент описал в письме товарищу. Корреспондент агентства Телеспекс в Кейптауне переслал содержание этого письма. Студент рассказывает, что на острове Эллис находится большое количество других «гостей» Америки, прибывших из разных стран. Это место — пишет он, — можно считать только с конституционными делами... Здесь к человеку относятся хуже, чем к собаке. С нами обращаются так, словно мы преступники.

С. МАРШАК ДВЕ ПАРЫ

Французский министр иностранных дел Р. Шуман заявил на пресс-конференции в Риме, что участие Франции и Западной Германии в так называемой «европейской армии» имеет особое значение для международной политики. (Из газет)

Во многих семьях парижан Еще не сняли траура, А уж угловидный Шуман Встречает Аденауэра. И вот идут они вдвоем К американцам на прием. За ними крадутся вдоль стен Два призрака, два духа. «Послушай, старый друг Петень», Бормочет Гитлер глухо: «Мой Аденауэр, твой Шуман —

Способные ребята. Они затеяли роман, Как мы с тобой когда-то...» «Ох!» — говорит другой мертвец: «Нам радоваться рано. Давно известен мне конец Подобного романа!» Увы, не слышат этих слов Шуман и Аденауэр. Они торопятся под кров, Где ждет их Эйзенхауэр.

Записная книжка диверсанта № 7715

Желтая книжка размером чуть больше спичечной коробки. На обложке — штамп военного ведомства США и точная классификация данного официального документа: «Югт 46». Далее — надпись: «Парапут дог-рипор», то есть «Записная книжка парашютиста», и номер: 7715.

Открываем книжку и читаем написанное по-английски инструкцию: «Эта форма введена для всех парашютистов. Она служит для учета выданных средств и должна храниться в потайном кармане парашютиста, пока он состоит на службе».

Безобидная на вид желтая книжка есть не что иное, как вальцованное типографским способом удостоверение парашютистов-диверсантов, записанные американской разведкой в различные страны.

Страницы этого безразличного документа озаглавлены по-разному: тут графы прихода и расхода, графы «на что потрачена данная сумма», «получение технических материалов» и другие. Среди владельцев удостоверений немало тех, кого американский президент именует «собранными лицами» и для содержания коих предназначена некоторая доля из ста миллионов долларов, ассигнованных по так называемому «Закону 1951 года о взаимном обеспечении безопасности». «Парашютисты» обязаны строго отчетливо в выданных суммах. Дружба — дружбой, а денежка, как говорится, врозь. Американские дельцы хотят точно знать, на что именно расходуется каждый доллар из ста миллионов, отпущенных правительством США на финансирование «любых отобранных лиц» — иначе говоря, лиц, отобранных для шпионской, диверсионной, подрывной работы.

Книжка за № 7715, лежащая сейчас перед нами, всего неделю назад находилась в потайном кармане лисьяноскового полицейского, который был заброшен американским самолетом на территорию Северной Кореи для выполнения диверсионных заданий. В графе «приход» записано: «Получено 105 тысяч вон на острове П.». Хозяйка позаботилась и о покупке своего агента. В графе «выдача продовольствия» американский офицер удостоверения печатью, что владельцу книжки № 7715 вручена рыба и капуста.

Банда американских диверсантов и убила из 139 человек, в числе которых находился и лисьяновец, была сброшена на парашютах в одном из районов провинции Южный Хамген. Приземлившись, они проверили сброшенное им вслед имущество, установили, что воору-

жения не так уж мало — два миномета, четыре легких пулемета, винтовки, карабины, и приступили к «делу». Бандиты совершили налет на беззащитную деревню Сирончи в уезде Лхусан. Там они ворвались в дом председателя крестьянского комитета и, угрожая оружием, потребовали продовольствия и денег. Но неподалеку находились четыре молодых крестьянина, члены отряда местной самообороны. Они открыли стрельбу, и американские диверсанты кинулись бежать, бросая оружие. Скрываясь в горы, они тем не менее успели утаить быка. Владелец книжки не преминул вписать в графу «расход»: «Куплен бык за 30 тысяч вон... На другой день отряд самообороны выследил скрывшихся в горах головорезов и переловил их всех до единого. А через день нагнал я бык: предпринятый диверсант № 7715 пропал его какую-то крестьянину из соседней деревни... Так вот владелец книжки № 7715, трусливый бандит в мелкий вор. Таковы они все, грязные предатели и убийцы, которых американская разведка посылает для истребления корейского народа».

Группа американских диверсантов, сброшенная 19 ноября в уезде Хесан, ворвалась на лесозаготовительный пункт Контумек и учинила там кровавую резню. Бандиты убили двадцать рабочих, сожгли больницу вместе с находящимися в ней больными. Они насильно женили, до полусмерти избивали детей.

Спустя два дня всех их поймали, и они трусливо начали молить о пощаде и вклясться, что викаго более не изменят своему народу. Выяснилось, что эта группа сплошь состоит из преступников, выпущенных Ли Сын Маном из тюрьмы и посланных для расправы с жителями севера.

Только за последний месяц американская разведка сбросила в одной лишь провинции Южный Хамген 500 диверсионных парашютистов. Все они ввержались органами внутренней безопасности при активной помощи отрядов местной самообороны.

...Летят на американских самолетах, пробравшись пешком через горы под прикрытием американских патрулей «собранные лица», находящиеся под высоким покровительством мистера Трумэна и зачисленные на государственную службу. Но и в Корею и в других свободных странах бдительные патриоты беспощадно разоблачают вражеских лазутчиков.

Ирина ВОЛК, специальный корреспондент «Литературной газеты» ПХЕНЬЯН, 3 декабря. (По телеграфу)

Следующий номер «Литературной газеты» выйдет в пятницу, 7 декабря.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1952 ГОД на АЛЪМАНАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ СССР «ДРУЖБА НАРОДОВ» Основан по инициативе А. М. Горького ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД Литературно-художественный альманах «Дружба народов» печатает произведения писателей народов СССР — романы, повести, рассказы, очерки, публицистические статьи, критику и библиографию. И участие в альманахе «Дружба народов» привлекают писатели, критики и литературоведы — видные деятели литературы и искусства народов СССР ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 36 руб., на 6 мес. — 18 руб. ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в городских отделах «Союзпечати», отделениями и агентствами связи, в пунктах приема подписки, а также общественными учреждениями на предприятиях, в учреждениях, совхозах и колхозах.